

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Е.И. Трофимова (Москва)

Вопросы терминологии в гендерных исследованиях

В настоящее время гендерные исследования играют значительную роль в различных областях гуманитарных наук. Акцент на роли полов в развитии человечества, их символическом и семиотическом выражении в философии, истории, языке, литературе, искусстве обнажает новые аспекты развития социума, дает возможность глубже проникать в суть происходящих процессов. Принимая во внимание значимость этой проблематики, можно сказать, что гендерное «измерение» зачастую позволяет по-иному взглянуть на хорошо известные факты или произведения, интерпретировать их с учетом гендерной дифференциации, выявлять субтексты социальной реальности, отражающие символы женского опыта, а также деконструировать казалось бы незыблемые категории.

Это новое прочтение текстов дает возможность отойти от традиционных и литературоведческих, и социально-политических трактовок, проанализировать произведения с точки зрения представлений о понятиях «мужественное» и «женственное», которые, в свою очередь, являются конструктами культуры и подвергаются постоянной эволюции в исторической перспективе. Работающие в области гендерологии не столько хотят создать особенное поле исследования, сколько сформулировать новые способы размышления.

Следует иметь в виду, что «гендерные исследования, как и феминистское литературоведение, в силу постановки проблемы нарушают узкие рамки [отдельной дисциплины, например, – *Е.Т.*] филологии, поэтому невозможно себе их представить без междисциплинарных подходов. Должны быть приняты во внимание историческая наука, социология, философия, психология, экономика, педагогика, лингвистика и ряд других наук» [28, с. 101).

Как и все новое, эта область знания нуждается в усиленном внимании, в пристальном изучении, и термины, которыми она оперирует, важны в этой деятельности. По мере становления данного подхода и выхода в свет все большего количества научных работ, появляется необходимость четкой фиксации ключевых понятий, составляющих базис феминистского и гендерного дискурса. В связи с ориен-

тацией этих исследований на культурологический контекст, терминология с неизбежностью заимствует понятия из философского, филологического, лингвистического и прочих субъязыков.

Одним из базисных понятий, существующим на протяжении достаточно долгого времени, является *феминизм* (лат. *femina* – женщина), который требует определения в двух уровнях. С одной стороны, это широкое общественное движение за права женщин, имеющее длительный исторический опыт. Здесь маловажную роль сыграл *суфражизм* (от англ. *suffrage* – право голоса) – движение за юридическое равенство, за получение женщинами избирательных прав. Начало его можно вести от «Декларации прав человека и гражданина», провозглашенной во время Великой французской революции. В XIX и в начале XX вв. женщины многого добились, и к середине века происходит спад движения в связи с получением женщинами этих прав и повышением занятости в производстве. Но фактически сложность проблемы так называемого женского вопроса не исчезает и становится все очевиднее. В конце 1970-х гг. наступает «вторая волна», и движение приобретает массовый характер. Постепенно идеологи женской эмансипации приходят к мысли о необходимости более углубленно рассмотреть дискриминацию женщин, и сделать это на фоне широкого социокультурного анализа.

С другой стороны, как мы видим сейчас, феминизм – комплекс социально-философских, социологических, психологических, культурологических теорий, анализирующих ситуацию в обществе. Исследователи и лидеры западного феминизма 1950-1970-х гг. (С. де Бовуар, Б.Фридан, Л.Иригарэй, Ю.Кристева, Э.Сиксу и др.) на примере культуры, связывающей понятие о человеке и подлинно человеческих качествах только с мужчиной, показали ее патриархатный, маскулинистский характер, отметив, что женщина в традиционной культурной парадигме отождествляется исключительно с телом и его функциями – детородными или сексуальными. Единственная форма духовной жизни женщины – любовь, определяемая как забота и проявляемая в форме обслуживания своих близких, а единственно важная сфера деятельности – семья. Замечу, что современная трактовка «феминизма» включает и представление о его внутренней дифференциации, наличии течений и направлений, дефиниции которых я приведу ниже. Научная, исследовательская работа, равно как и практическое феминистское движение, дала возможность западным ученым-феминисткам сформулировать свой теоретический язык, способ говорить о женских (позже, гендерных) проблемах, т. е. создать свой дискурс.

Дискурс нередко используется как синоним слова *речь*, а точнее, специфического способа или приемов организации речевой деятельности

сти. Но это понятие, до того применявшееся в гуманитарных науках, в частности, – в логике, стало пониматься философами-структуралистами много шире, поскольку высказывает и объясняет высказанное не только лингвистическими или логическими, но и социальными средствами внутри определенного социокультурного пространства, а конкретнее, принятыми в данном сообществе правилами обусловливания речи. Кроме того, дискурс – по мнению Жака Лакана – не только способ говорения, но и средство формирования мышления, в том числе и гендерной стереотипности.

В рамках гендерного дискурса, к примеру, были «разведены» такие термины, как «патриархальный» и «патриархатный». В гендерной теории и критике используется второе, а не первое слово (что было бы верно грамматически), и это имеет свое обоснование. Патриархальный – связанный со стариной, верный традициям, обычаям; патриархат – строй, характеризующийся отцовским родом и в котором мужчина занимает господствующее положение. Понятно, что дискурс гендерного сообщества принимает слово *патриархатный*, подразумевая идущий из исторической перспективы принцип архаичной организации общества, с зафиксированным в нем неравенством и жесткой регламентацией полоролевых отношений.

Гендерные исследователи и практики пришли к выводу о необходимости введения еще одного ключевого термина. *Маскулинный* (лат. *maskulinus* – мужской) – определение, подчеркивающее иерархический, с господствующим мужским положением, принцип организации социума. Это понятие, хотя и имеет связь с «патриархатным», но не обладает его историческим фоном. Нередко встречается и слово *мачизм* (исп. *tacho* – самец). В современном дискурсе оно обозначает не только половую принадлежность, но также артикулирует все дополнительные определения, корреспондирующие с ним и считающиеся мужскими: агрессивность, наступательность, жесткость, мощь, брутальность, крепость, грубость, сила (ассоциирующаяся с развитой мускулатурой), энергичность, демонстрация волевого компонента, сексуальная мощь.

Появление термина «гендер» знаменует последующий этап в изучении полоролевых стереотипов (равно, как у женщин, так и у мужчин). Английское слово *gender* переводится как пол, хотя правильное – *род*, а более точно – грамматическая категория рода. Слово *sex*, также обозначающее пол, коннотируется в человеческом сознании очень определенно, даже однозначно, только как поведение в момент совокупления или в *ars amandi* (любовной игре). Хочу сразу же подчеркнуть, что в русском языке слово «пол» освобождено от той нагрузки, которую несет слово «секс», поскольку понимается шире. Я согласна

с мыслью А.В.Кириловой, что английское соотношение sex-gender не соответствует русскому восприятию аналогичных понятий. «Так, в русском языке пара секс-пол оказывается не адекватна английскому sex-sex, что, на наш взгляд, несколько “разгружает” слово пол» [12, с. 19].

Для того чтобы снять устойчивые ассоциации при использовании этого слова, научное сообщество в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вводит в свой дискурс слово гендер.

Этот термин был взят из лингвистики и «перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории» [12, с. 18], политологии, филологии, музыковедения и т. д. Итак, секс – биологическое, а гендер – культурно-символическое определение пола. Такие конструкты культуры, как «женственное» и «мужественное», могут описываться только с учетом и использованием этого понятия, поскольку появляется возможность выйти за пределы только биологического описания. Термин гендер подчеркивает «не природную, а социокультурную причину межполовых различий» [12, с. 19]. То есть, «женское», «мужское» суть биологические, данные от природы половые различия, а «мужественное», «женственное» – понятия, сконструированные обществом и имеющие культурно-символические (гендерные) различия, которые меняются в соответствии с изменением, как общества, так и культуры. Прочитав еще одно, признанное международным феминистским сообществом, определение гендера как понятия, которое «используется для обозначения всех тех социальных и культурных норм, правил и ролей, *приписываемых* людям обществом в зависимости от их биологического пола» [7, с. 4]. Некоторые исследователи уточняют, что гендер это не совокупность личностных психологических черт, не роль, а продукт «особого социального делания (создания)» [26, с. 197].

Но гендер не только культурный конструкт, он также определяет отношения индивида с окружающим миром. Значит, гендерная парадигма, зафиксированная, например, в художественном тексте, есть одновременно и конструкт и система, определяющая степень значимости личности в общественной жизни [6, с. 161].

Итак, *гендерные исследования* – это отрасль знания, с помощью которой изучается, как тот или иной социум определяет, формирует, закрепляет и в общественном сознании и в сознании личности социальные роли женщины и мужчины, а также *какие* последствия это распределение для них имеет.

Иногда сомнению подвергается правомочность создания слова *гендерология* (чуть раньше такая же позиция наблюдалась и по отношению к слову культурология). Думаю, что новый термин имеет право на озвучивание и существование. Это составное слово, в котором пер-

вая часть нами объяснена, а окончание – *logos* – означает: учение, наука; следовательно, гендерология – наука о таких конструктах культуры как женственное и мужественное. Вполне вероятно, что это новое и непривычное слово сможет адаптироваться в русском научном языке.

Говоря о терминологии феминизма и гендерной науки, стоит остановиться на дефиниции трех основных потоков, в рамках которых существуют различные феминистские группы, как, например: феминизм, ориентированный на природную сущность; сепаратистки; феминизм, ориентированный на подавление различий (как вызов патриархату); сексуальный эгалитаризм и другие. Базовыми течениями являются: 1) *радикальный феминизм*, выступающий за критический пересмотр наличного и за создание нового общественного порядка, неканонического типа. Радикальный феминизм подчеркивает, что без пересмотра всей системы отношений никакие изменения невозможны. Именно он и вызывает острую реакцию протеста по отношению к феминизму вообще; 2) *либеральный* – стоит на позиции «различные, но равные», и считается, что он не борется за какие-либо радикальные изменения патриархатной системы в целом. Но именно из него вышло, к примеру, течение феминизма, направленное на восстановление женских имен в истории, литературе, искусстве и в результате, нацеленное на изменение всего культурного канона; и, наконец, 3) *интеллектуальный феминизм*, который наиболее перспективен как новая социально-философская теория и широкая гуманистическая практика, выходящая в сферы творчества и политики. Начало интеллектуального феминизма можно связать с развитием постструктуралистских и постмодернистских теорий, в частности с критикой ими иерархических структур, с интересом к периферийным, маргинальным явлениям.

Например, постструктуралистский вариант феминизма, развивая и разрабатывая теорию «женского письма», показывает «женственные» – не женские – способы выражения в различных фигурах речи – тональности, ритме, риторике, метафоре и т.д. (К слову, самыми яркими представителями «женского письма» согласно этой теории являются писатели Ф.Кафка, М.Пруст.) Введенный Ж.Деррида метод деконструкции, направленный на преодоление метафизических традиций мышления, на смещение исторически обусловленных понятийных границ, органически вошел в арсенал гендерных исследований. Деконструктивизм, феминистскую и гендерную критику объединяют и способ изложения материала и (что важно) широкая интерпретация значений и текстов. «И постструктуралистский феминизм и деконструктивизм ломают традиционное бинарное мышление. По мнению вдохновителя этого направления Жака Деррида, деконструктивизм – это стратегия в рамках философии, которая меняет общепризнанные основы

иерархии: темнота-свет, активность-пассивность...» [18, с. 131]. Теория «женского письма» подрывает тождественность сторон оппозиции – «мужественное» и «женственное».

Демократизация и плюрализация общественных подходов к разным явлениям, произошедшим в 1970-1990-е гг. во многих странах мира, создали условия для преодоления односторонности в изучении такого понятия, как феминизм и связанных с ним теорий и проблем. Этому (особенно в сфере литературы и искусства) способствовал постмодернизм, чья эстетика и идеология базировались на диалоге и сопоставлении различных культурных позиций.

Было бы уместно остановиться на часто употребляемых в последнее время терминах *постмодерн* и *постмодернизм*. Нужно различать их. Термин *постмодерн* указывает на состояние эпохи после Нового времени (Модерна, или Современности), а *постмодернизм* означает ситуацию в культуре и тенденции ее развития в «послесовременную» эпоху. Иногда можно встретить высказывания, что А.С.Пушкин – первый русский постмодернист, потому что применял центонность в своих стихах. У некоторых авторов, например, у Т.Алпеевой, автора «Введения в культурологию» (Минск, 1997) прослеживается мысль, что постмодернистские тенденции в русской литературе видимы уже в произведениях XIX в.

Думаю, что это ошибочные наблюдения и выводы. Стиль появляется тогда, когда его осознают, обозначают, присваивают ему имя. По отношению к постмодернизму это произошло, конечно, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В постмодернистской культурной действительности одновременно признается равноценность различных творческих парадигм, восстанавливаются те из них, коим ранее было отказано в праве на существование. В концепцию постмодернизма заложена мысль о безграничном расширении предметного поля искусства, где растворяются идеи художественного и антихудожественного (формализм соседствует с соцреализмом, романтическая традиция равна фольклорной, детектив как жанр не ниже философской лирики, и т.д.). То же относится и к политике (множественность партий, групп, движений), и к культуре в целом (демократичность, свобода мыслей, чувств, высказываний, стилей). В этом смысле – как отмечалось выше – именно постмодернизм активизировал такую маргиналию как феминизм (и движение и науку), поскольку отказался от принципа построения жестких ценностных вертикалей и признал горизонтальную, многополюсную, диалогичную связь более приемлемой, более продуктивной.

Феминистская критика подчеркивает, что осмысление различий «мужское» и «женское» всегда осуществлялось с патриархатных пози-

ций, т. е. с заданного, априорного предположения, что мужская культура и ее иерархические ряды являются универсальным мерилем любых этических и эстетических ценностей. Конечно, в случае использования традиционных культурных парадигм и матриц трудно ожидать в подобном случае более-менее объективных оценок и определений. И здесь – постмодернистская и феминистская полемика и критика идей эпохи Просвещения, мировоззренческие постулаты которой ярко выражены в работах Жан-Жака Руссо. Развивая идеи об устройстве общества, он все время подчеркивает его иерархичность, основанную на общественном договоре, где каждый элемент занимает определенное ему место. То же касается и распределения семейных ролей, отношений и сфер деятельности. Например, в трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762) Руссо не устал повторять, что жена подчинена мужу, что женщина никогда не должна забывать о своей зависимости от мужчины, стараться добиться его расположения, покоряться его воле и тем самым сохранять благополучие семейства, а в результате, – и благополучие всего общества. Соответственно, вся домашняя работа, определяемая как работа женская, – лишь фон для более важных, общественных, считающихся мужскими, сфер деятельности, и этими частностями ни один «уважающий» себя мужчина не может быть ограничен [9]. Феминистская критика считает такую традиционалистскую точку зрения дискриминационной.

Надо отметить, что пренебрежительное отношение к женскому творчеству породило в обыденном сознании мифы, ходячие представления, многие из которых распространены и сейчас. В частности, обратившись к области литературы и искусства, можно нередко услышать мнение, что только мужчины сумели создать в этих областях подлинные шедевры, и что история искусства и изящной словесности – это история мужского гения. Если взглянуть на фиксированную историю, то она как будто бы подтверждает этот тезис, хотя и там мы можем обнаружить имена Сафо, сестер Бронте, Анжелики Кауфман, Веры Мухиной, Анны Голубкиной, Эмили Дикинсон, Джейн Остен, Жорж Санд и др., чей вклад в мировую культуру не менее важен, чем труды мужчин (я намеренно не беру XX в., особенно последние его десятилетия).

Однако утвердившимся в сознании фактом остается то, что все же женских имен намного меньше, нежели мужских. Но как мы знаем, видимость не всегда соответствует сущности. На эти факты можно взглянуть и по-другому. Во-первых, многие века женщины практически не допускались к «свободным искусствам», более того, занятия литературой или живописью считались для женщины предосудительными, невозможными, неприличными. Те же, кто осмеливался делать это или работали под псевдонимами, или были вынуждены терпеть

общественный остракизм. К примеру, в Америке и в Европе занимать-ся в натурном классе, что является одним из ключевых моментов в подготовке живописцев, художницам позволили только к концу XIX в. Доступ к высшему образованию был закрыт для женщин практически до второй половины позапрошлого столетия. Понятно, что подобная система патриархатных табу не давала возможности женщине войти в творческую и общественную сферу, где она могла бы легально раскрыть свой дар, талант, развить свои способности. (Хотя и до сегодняшнего дня можно встретить высказывания типа: «Зачем будущей жене и матери такое мощное, мужское образование?» [11, с. 7]. А именно эту формулировку использовал Е.М.Примаков, отговаривая свою падчерицу от поступления на экономический факультет МГУ).

Сомнения в правильности подобного распределения жизненных ролей отражала и русская литература. Одна из интереснейших писательниц начала XIX в. Е.А.Ган в повести «Идеал» пишет: «...Кажется будто мир божий создан для одних мужчин; <...> для них свобода и все таинства жизни», а если надежды женщины «на семейное счастье не сбываются, что остается ей вне себя? Ее бедное ограниченное воспитание не позволяет ей даже посвятить себя важным занятиям, и она поневоле должна <...> до могилы влечь жалкое бесцветное существование» [8, с. 231].

Повесть была опубликована в 1837 г., и это подчеркивает, что вопросы неравноправного положения женщин уже тогда волновали русское общество, поднимались в литературе и в публицистике.

В 1869 г. в России выходит книга Д.-С. Милля «Подчиненность женщины», на которую Н.Н.Страхов откликнулся статьей, где не согласился с мнением Милля о необходимости предоставления женщине тех же прав, что и мужчине, утверждая, что главное для нее – семья. При этом он все же добавлял, что бессемейным и пожилым женщинам можно предоставить политические права и дать возможность выполнять различные общественные обязанности. Л.Н.Толстой (который, будучи руссоистом, носил на цепочке не натальный крест, а медальон, куда был заключен портрет Руссо) в марте того же года написал Стравову письмо, в котором отрицал даже такое урезанное право женской жизни. Он пишет, что отрожавшие или безмужние женщины всегда найдут себе занятие как «повивальные бабки, няньки, экономки, распутные женщины». «Вы, может быть, удивитесь, что в число этих почетных званий я включаю и несчастных б.....<...> [Конечно, - Е.Т.] было бы безбожьем и бессмыслием допускать, что ... ошибся Христос, объявив прощение одной из них. <...> То, что этот род женщин нужен нам, доказывает то, что мы выписали их из Европы (sic! – Е.Т.); ... <...> Представьте себе Лондон без своих 80 тысяч магдалин. Что случилось бы с семьями? Много ли бы удержалось жен, дочерей чис-

тыми..? Мне кажется, что этот класс женщин *необходим* для семьи ... <..> Так какое же нужно еще назначение несемейным женщинам?» [24, с. 686–688].

Тоталитарное/патриархатное мышление крепко сидит в человеческой памяти, дискриминация полов накладывает сильный отпечаток на человеческое мышление, и многие думают, что образ мыслей, поведение женщины обусловлены самой женской природой. Значительность женской дискриминации представляется людям – и мужчинам, и женщинам – малосущественной проблемой, поскольку им трудно понять и осознать ее.

Говоря об этом, уместно было бы напомнить и о понятии *«женской этики»*. Эту проблему, а также ее возникновение в культуре активно дискутировала английская исследовательница Джин Гримшоу. Напомню, что традиционное представление о «женской этике», сформулированное в XVIII в. и широко распространенное в XIX-ом, сводилось примерно к следующей схеме: женщина создана для того, чтобы угодить мужчине, она обязана почитать его, и тогда он, работающий и добывающий хлеб насущный, даст и ей на жизнь и на пропитание. Одновременно навязывалась идеализирующая калька о том, какой женщине следует быть, то есть культивировался некий идеальный образ, к которому всякая женщина должна стремиться: быть нежной, покорной, доброй, слабой, целомудренной и т.д., а главное при этом, молодой, красивой, свежей, т.е. сексуально привлекательной [25, с. 47–53]. «Пока она такова – она женщина; утратив свежесть, она становится ненужным хламом, который и терпят, как терпят тараканов, клопов и прочие неприятности» [15, с. 134].

Женщины и сами были склонны к тому, чтобы их недооценивали и принижали, почитая существами морально слабыми и второсортными. В сериале «Следствие ведут Знатоки», с триумфом прошедшем по телевизионным экранам в 1970-х гг., при раскрытии одного из преступлений эксперт-криминалист Зинаида Яновна Кибрит допускает профессиональную оплошность и дает подозреваемым лишнюю информацию. Позже она объясняет эту неудачу не отсутствием осторожности, а своей принадлежностью к женскому полу. «Ну что Вы хотите, баба есть баба», – говорит она о своем промахе коллегам.

Было бы уместно напомнить слова С. де Бовуар о том, что «драма женщины – это конфликт между настоящей потребностью личности утвердить свою самоценность и ее положением, в основе которого лежит представление об ущербности» [5, с. 161]. Пренебрежительное отношение к женщине, соответственно, принижает и сферы женской деятельности. Идет постоянная, то затихающая, то вновь вспыхивающая полемика о женском творчестве, то есть о способности женщин

наравне с мужчинами создавать духовный продукт высокого эстетического качества. Творчество стало точкой столкновения диаметрально противоположных позиций.

Женская литература является темой, вызывающей острые дискуссии, различные высказывания – от полного отрицания до безоговорочного признания этого культурного феномена. Почему эта тема столь дискуссионна? Думаю оттого, что литература является одним из немногих культурных полей, где Женское всегда играло и играет очевидную, явную роль, а количество женских имен относительно многочисленно. Более того, долгое время именно литературные тексты являлись практически единственным источником информации о жизни женщин, поскольку до недавних пор было раскрыто и представлено мало исторических документов, исследований, материалов, с помощью которых можно говорить о реальной жизни женщин.

Одним из главных аргументов противников использования данного понятия является утверждение, что наличествует лишь хорошая или плохая литература, которая не делится по половому признаку и не бывает ни мужской, ни женской. На самом деле, на столь сложный вопрос требуется глубоко продуманный и осмысленный ответ. Начать хотя бы с того, что, как пишет Ж.Лакан, «человеческое животное рождается в языке, и именно в границах языка конструируется человеческий субъект. Язык всегда “принадлежит” другому» [16, с. 72]. Но в сложившейся культуре слова «женское», «мужское» не только указывают на биологические различия, но и являются оценочными категориями, которые формируются социумом, закрепляются в сознании, и общественном и отдельной личности, при посредстве языка. В этих оценочных категориях слово «женское» приобретает коннотацию как «вторичное», «худшее», «производное от *чего-то*», чему и приписывается некая первичность.

Соответственно, принижаются и сферы женской деятельности. Нормой, точкой отсчета в этом случае всегда является мужское перо, мужской взгляд. Превалирует маскулинистская установка, и словосочетание «женская литература» воспринимается негативно, чаще уничижительно или как иронический ярлык. Грамматику русского языка нередко насильственно изменяют. Нормативные документы рекомендуют использовать слова мужского рода – писатель, поэт, художник, учитель, аспирант и т. д.

И в литературной критике России найдется достаточно подобного рода оценок творчества женщин: «Природа уделяет женщинам искру таланта, но никогда не дает гения» [19, с. 20–21]; только поэзия Аделины Адалис иногда достигает «мужской силы и правды» [14, с. 275]; «...у Дмитриевой суровое, “мужское” перо...» [13, с. 6]; «Светлана Ва-

силенко – серьезный писатель, который владеет словом, жестким, мужским стилем...» [21, с. 18].

Примеры можно множить, но важнее отметить общее в этих высказываниях, а именно то, что женщина-автор может быть замечена, выделена и похвалена, но лишь как способный писатель с мужским стилем.

Романы, созданные женщинами, написаны по-разному, поднимают различные темы, представляют различные сюжеты, и далеко не всегда любовь – их центральная тема, в отличие от произведений такого жанра как «дамский роман». Нельзя во всех случаях говорить о мелкости и узости тем, примитивности фабулы, о жеманстве, сентиментальности произведений только потому, что они созданы женщинами. Но, по всей видимости, «мужской ум не сомневается в своем исчерпывающем проникновении в женскую психологию...» [23, с. 20].

Проблема женской литературы не может быть решена в сугубо литературоведческих рамках. Деконструкция понятия «женское» может осуществиться только в общекультурном контексте, а понятие «женская литература/творчество» должно быть актуализировано не для того, чтобы наделить его некими уникальными качествами, а чтобы, поддерживая дискурс, поднять статус писательницы (художницы, поэтессы и т. п.) в общественном сознании, т. е. продолжить тенденцию равенства полов. По сути, женская литература – то, что написано женщиной. Но эти два слова вызывают подчас негативную реакцию, поскольку стереотипно воспринимаются как отклонение от нормы (т. е. от «мужской»).

Во все времена право женщины на место в искусстве, ее художественная дееспособность обсуждались и рассматривались с разных позиций и точек зрения, но в литературной критике преобладал маскулинистский взгляд, согласно которому «мужчина подобен небосклону, горизонту, верховной власти, которая одновременно и определяет и содержит в себе статус женщины» [3, с. 65–66].

Гендерные исследования, возникшие на Западе как междисциплинарная отрасль знания в конце 1960-х - начале 1970-х гг., а в России в конце 1980-х гг., играют значительную роль в различных направлениях гуманитарных наук.

В российской научной среде очень медленно, но все же утверждаются гендерные исследования, а вот гендерное просвещение общества едва продвигается, хотя и здесь есть некоторые изменения. Но по-прежнему слабым местом современной литературной критики является незнание и нежелание освоить базисные понятия гендерных исследований. Следствием неразработанности терминологии является то, что люди, находящиеся внутри литературоведческого дискурса, позволяют

выносить суждения звучащие иногда просто смешно, даже каламбурно. Рассказы молодой писательницы «посвящены женщинам. Но это вовсе не “женская проза”. Рассказы в меру сентиментальны, но их основа – реальная жизнь...» [21]. Или. Если «на интеллигентного читателя рассчитаны детективы Б.Акунина..., то женская аудитория выбирает Маринину, Донцову, Полякову...» [27, с. 72].

Другая рецензентка советует автору милицейских историй Марининой, от которой по ее мнению ушла популярность, поскорее убить 40-летнюю Каменскую и завести героиню помоложе и посексапильнее, поскольку герои детективов должны быть привлекательными. Трудно рационально объяснить, почему сыщица, следователь отдела по раскрытию особо важных преступлений или криминалист-аналитик обязана быть сексапильной. Совершенно очевидно, что критикесса находится под сильным прессингом расхожих стереотипов и сходится в своих рассуждениях с коллегой 1840-х гг. Н.Вережкиным, писавшим под псевдонимом Рахманный: «...Чтобы нравиться, женщине надобно быть женщиной. Когда она..., вооруженная пером (в нашем случае – образованием, знанием. – Е.Т.), пускается в умствования, все женское в ней исчезает. Мы причисляем ее к разряду чудовищ, которых настоящее место не в будуаре, благоухающем резедой и амброй, а в кабинете естественной истории...» [23, с. 11].

Эта же рецензентка, рассматривая один из романов французского писателя Р.Гари, подчеркивает, что описанная там частная драма возрастной импотенции на самом деле более глубока, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, потому что служит основой «для психологической камерной прозы», где только внешне герой страдает от потери потенции, а на самом деле, и это, во-вторых, «принимает на себя бытийную ответственность за упадок социума, за его зависимость от внешних энергетических и пассионарных ресурсов». На этом автор рецензии не останавливается и, решив сравнить мужскую, представленную именно этой книгой, прозу с «женской» вообще, пишет, что несмотря на «злополучную “гинекологию” Марии Арбатовой» женская литература пока не дала героини, «которая бы так много на себя брала», как означенный герой, страдающий «от утраты собственной мужественности». Вывод сделан прямо-таки ошеломительный – на сегодня «“женской прозы”... еще не существует» [22, с. 8]. Явлен типичный пример фаллоцентрического мышления и описания: мужское переживание проблем сексуального характера обозначено как социально значимое, а женский опыт, названный здесь гинекологическим (зачатие, вынашивание, деторождение или потеря ребенка/утрата плода) представлен локальным, т. е. предназначенным исключительно для интимного женского переживания.

Рассматривая недостатки или достоинства женских текстов, критики всегда, сознательно или бессознательно, сравнивают их с мужскими. Точно подмечено, что, отказывая в признании литературе женской, подразумевают, что «мужская литература – это литература, а женская – резервация» [2, с. 27). Первое – лучшее, глубокое, глобальное, значимое и пр.; второе – худшее, мелкое, локальное, незначительное и пр.

Обладая большой инертностью, язык на долгое время консервирует в себе различного рода предрассудки, воздействуя на общественное сознание. Поэтому неперенным условием эволюции менталитета является изменение языка. «Не может быть нового мира без нового языка» [4, с. 59). Именно в поисках новых путей понимания взаимодействия языка и пола смыкаются постмодернизм и феминизм, оба не приемлющие никакого центризма и, что более характерно для феминизма, в непринятии фаллоцентризма.

Еще один термин, введенный французским философом Ж. Деррида и требующий объяснения. *Фаллоцентризм* – сложносоставное слово: фаллос – символическое обозначение оплодотворяющего начала, репрезентативный символ сущего; логос – всеобщая закономерность (в материалистической философии) и духовное первоначало, божественный разум (в идеалистической философии); центризм – центр, средоточие. Деррида вслед за Лаканом отождествил патернальный логос с фаллосом как его наиболее репрезентативным символом и ввел в обращение этот термин, позже активно используемый феминисткой критикой и гендерным сообществом.

Вот образчики такого речевого фаллоцентризма и примеры того, как устойчиво патриархатное, стереотипное мышление. В одной из публикаций можно прочитать следующее: «На Западе было общество индивидуалистов, жесткое, но свободное. Когда оно разбогатело, то стало помогать неэффективным своим членам, всевозможным меньшинствам. Среди первых были женщины, а дальше пошли национальные, ...» [10, с. 8). Или. Не сомневаясь в остроумном решении, «Литературная газета», отвела целую полосу под рецензии новых книг, разделив ее ровно надвое. Одна половина, озаглавленная «Серьезное чтение», представляет рецензии только на книги мужских авторов (Рильке, Короленко, Ник. Тургенев, С.Кржижановский). Вторая под названием «Будуар» и с эпиграфом «женская угроза» рецензирует книги писательниц; там и проза Матвеевой, Рыбаковой, Москвиной, и перевод романа Э.Елинек, и даже историческое исследование С.Н.Кайдаш-Лакшиной.

Поскольку язык является определяющим элементом познания, то без его опережающего изменения невозможно изменение мира, а зна-

чит, модифицировать современный гендерный баланс социума и половых отношений нельзя без перемен в лингвистической базе, без внедрения в нее новых понятий и деконструкции старых. Не только количественное увеличение «женского словесного массива» в литературе, но и *осмысление этого явления критикой* помогут преодолеть традиционалистские и фундаменталистские взгляды, дадут возможность внести иные знаково-символические элементы в современную языковую систему и выйти за рамки патриархатного мышления, во многом определяемого господствующей маскулинистской культурой. Выявляется смысл и стратегическая задача женской литературы, оправдывающие факт ее существования, – реформирование онтологии через изменение гносеологии.

Несколько слов хотелось бы сказать о работе, которая активизировалась именно в поле гендерных исследований – по изменению литературного и культурного канона в целом. Создание канона происходит в литературе в процессе чтения, интерпретации и вынесения оценки произведению или творчеству в целом того или иного писателя. И литературоведение, которое обладает «историческим “великодушием”», обязательным для науки» и литературная критика, в силу жанра от него свободная [17, с. 6), вырабатывали и вырабатывают критерии, а также дают оценку значимости автора и его позиции.

Критерии всегда выводились по текстам, написанными мужчинами, со школьной скамьи внедрялся стереотип: «Классики – это превосходно, а то чем жила литература, кроме них, – серо, бесталанно, убого, имеет в лучшем случае лишь узкоспециальное, а не общекультурное значение. Корифеи предстают перед нами на фоне пустынном, обездуховленном, жестко контрастном» [23, с. 5]. Подобный взгляд и традиция приводят к тому, что женщины исключались и продолжают исключаться из канона. Из области «Литературы с большой буквы» удалялись развлекательные и мемуарно-бытовые тексты, даже целые группы текстов, в основном, принадлежавших женщинам.

В результате, во-первых, формируется канон в виде «высокой литературы», в каждый временной период обозначаемой по-разному: литература марксистско-ленинской направленности /шестидесятнического обновления коммунистических идеалов; «секретарская»/диссидентская; религиозно-философская /литература поставангарда; и т.д. А «иная», «другая» объявляется второсортной, малоинтересной и проч. [1]. Во-вторых, приверженность такой иерархии уменьшает количество читателей. Ведется обсуждение внутри узкого круга, а компетенция в оценке текстов, их общественной актуальности, этических вопросов в целом передается литературной критике, о которой было сказано выше. В-третьих, при таких условиях, не принимаются во внимание катего-

рии женского опыта, потому что действующий канон жестко влияет на выбор тем и аспектов. Феминистское литературоведение и гендерные исследования настаивают на изменении канона и на том, чтобы из него не исключались и не дискриминировались женские тексты.

Рассуждая о гендерном аспекте в культуре, в том числе и литературе, необходимо иметь в виду, что научное осмысление этой темы находится в самом начале своего развития. Понятия «мужественное» и «женственное» весьма подвижны, они не только имеют существенные различия в тех или иных культурах, но и эволюционируют в соответствии с ходом истории, изменениями в политическом, экономическом и социальном контексте общества. Немалое значение имеет и то, что человек сам по себе – независимо от пола – наделен гибкой внутренней системой приспособляемости к переменам в окружающей среде, способностью усваивать, осмысливать и развивать новые интеллектуальные и поведенческие навыки.

Гендерные исследования не являются прерогативой женского сознания, они в равной степени принадлежат и мужчинам, поскольку особо важен анализ существующего маскулинистского канона. Пытаясь применить в работе методы гендерной критики и литературоведения, надо учитывать, что гендерные различия не даны и не установлены природой, они определяются человеком и являются конструктами культуры, изменяясь вместе с ней по мере развития идей и самого общества.

В современном обществе наблюдаются сложные социальные и политические тенденции, как либерального, так и фундаменталистского толка, но и феминистские идеи, и идеи гендерного равенства, оказывая достаточно сильное влияние не только в академической, но и в практической сфере, содействуют дальнейшей гуманизации человеческой культуры.

Так что же такое разговор о терминах, как не философский разговор? Как не выработка новых цивилизаторских стратегий, не поиски смысла жизни? Перефразируя слова Мигеля де Унамуно из «Эссе» 1914 г., можно сказать, что философия гендерного подхода «нужна нам для формирования мировоззрения и, как следствие этого мировоззрения, некоего чувства, которое определяет наше подлинное отношение к жизни и даже поведение в ней...»

Библиографический список

1. *Айвазова С.Г.* Контракт “работающей матери”: Советский вариант // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под ред. М.Мальшевой). М., 2001.
2. *Арбатова М.И.* Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // «Преображение». № 3. 1995.

3. *Барт Р.* Семиотика. Поэтика. М., 1994.
4. *Бахман И.* Тридцатый год // Три дороги к озеру. М., 1976.
5. *Бовуар С. де* Второй пол // Иностранная литература. 1993. № 3.
6. *Большакова А.* Гендер // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
7. Введение // Действия после Пекина (IV-я Всемирная конференция по положению женщин): Справочник. М., 1998.
8. *Ган Е.* Идеал // Русская романтическая повесть. М., 1992
9. *Гримшоу Д.* Идея женской этики // Феминизм: Восток. Запад. Россия: Сб. ст. М., 1993.
10. Интервью с А.А.Кабаковым // Она-Он. 1993. Осень.
11. *Казанцева О.* «Дела сердечные»: Интервью с женой Примакова Ириной Борисовной // Экспресс. 2001. № 5.
12. *Кирилина А.В.* О применении понятия *гендер* в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3.
13. *Ласунский О.Г.* Вступительная статья // Дмитриева В. Повести (серия «Отчий край»). Воронеж, 1983.
14. *Мандельштам О.* Литературная Москва // Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.2.
15. *Микулич В.* Мимочка: Очерки. СПб., 1898.
16. *Митчелл Д.* Женская сексуальность // Гендерные исследования. 1998. № 1.
17. *Николаев П.А.* От составителя // Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М., 2000.
18. *Нордгрен Э.* Развитие постструктурализма в теории литературного феминизма // Преображение. 1994. № 2.
19. *Пономарев С.И.* Наши писательницы. СПб, 1891.
20. *Приставкин А.И.* [Текст на обложке] // Шурупова Н. Любовь еще, быть может...: Рассказы. М., 2000.
21. *Приставкин А.И.* Предисловие к рассказу С.Василенко «Счастье» // «Работница». 1989. № 10.
22. *Славникова О.* Герой Сопротивления: Рецензия // Книжное обозрение. 2000. № 25–26.
23. *Степная барышня:* Проза русских писательниц XIX века. М., 1989.
24. *Толстой Л.Н.* Письмо Н.Н.Страхову // Собр. соч.: В 22 т. М., 1984. Т.17–18.
25. *Трофимова Е.И.* Проблема женственности в трилогии о Мимочке В.Микулич // Преображение. 1997. № 5.
26. *Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е.Здравомысловой и А.Темкиной. СПб., 2000.
27. *Черняк М.А.* «Наше все»: Александра Маринина в зеркале современного иронического детектива // Творчество А.Марининой как отражение современной российской ментальности: Сб. ст. / Под ред. Е.И.Трофимовой. М., 2002.
28. *Шорз Э.* Феминистское литературоведение на пороге XXI в.: К постановке проблемы (на материале русской литературы XIX в.) // Литературоведение на пороге XXI в.: Сб. ст. М., 1998.